

Свадебный пир был в самом разгаре: гости обменивались тостами, повсюду звучал смех и шум, и лишь жених Би Панань выглядел так, словно душа покинула его тело.

Как бы окружающие ни подначивали его выпить, он лишь натянуто кривил губы в подобии улыбки.

В голове у него раз за разом крутились слова слуги, который выведал для него всю правду:

— Молодой господин, та, на ком вы собрались жениться... действительно Чжуан Тяньэ, но она — старшая дочь дома Чжуан, ее настоящее имя Чжуан Хунсин, она сменила его совсем недавно. Говорят... говорят, она узнала ваше имя в Монастыре Линьинь и во что бы то ни стало решила назваться Тяньэ.

— А та, настоящая госпожа Тяньэ — приемная дочь госпожи Чжуан, по фамилии Чжоу. Сказывают, она в детстве спасла старшую госпожу Чжуан и при этом изуродовала себе лицо, поэтому все время носит вуаль...

— И еще... соседи поговаривают, что у этой девицы Чжуан Хунсин... нрав не из легких, да и внешность... довольно специфическая.

Так значит, та красавица, чей облик мельком запал ему в душу, — это обезображенная приемная дочь, а его будущая законная жена — самозванка с сомнительным лицом и скверным характером?

В душе Би Пананя вскипела смесь досады, облегчения и какого-то извращенного самодовольства.

Он досадовал, что жемчужина оказалась в пыли, а прекрасная дева, будучи так близко, оказалась изуродована; но в то же время радовался, что не придется брать в жены калеку, и даже чувствовал тщеславную гордость — надо же, какая-то женщина пошла на подлог только ради того, чтобы выйти за него замуж.

Эти противоречивые чувства заставляли его топить горе в вине, бокал за бокалом, пытаясь притупить рассудок.

Наконец настал час брачной ночи.

Толпа родственников и друзей, не желая упускать зрелища, окружила слегка захмелевшего Би Пананя, требуя устроить традиционные забавы.

Красные свечи горели ярко, заливая комнату праздничным светом, но этот же свет подчеркивал нерешительность и мрачную тень на лице Би Пананя.

Под шумные подначки толпы он дрожащими руками, глубоко вздохнув, рывком сдернул тяжелое красное покрывало.

В следующую секунду его зрачки сузились, дыхание перехватило, и он застыл, не в силах пошевелиться.

Свечи мерцали, играя бликами.

Из-под покрывала на Би Пананя смотрело лицо, которое можно было назвать лишь совершенным. Он вмиг забыл, как дышать.

Что это было за лицо?

Кожа, нежная и сияющая, словно нефрит, казалась полупрозрачной в теплом свете свечей.

Столь ослепительная красавица сейчас слегка сжимала губы, и эта девичья застенчивость и тревога делали ее еще прекраснее.

Она сидела неподвижно, в красном свадебном платье, подчеркивающим белизну ее кожи, с волосами, темными, как облака, и золотыми украшениями, которые тихо позвякивали при каждом движении.

Ее красота не была миловидностью простой девицы; в ней чувствовалось благородство и величие, словно у распускающегося пиона — царя цветов.

А в ее взгляде сплелись чистота юности и неуловимая, присущая аристократкам горделивая стать.

Би Панань остолбенел, душа его улетела прочь.

Вся досада и подозрения были вмиг стерты этим неземным обликом, оставив лишь огромное, ошеломляющее чувство восторга!

Это... неужели это его невеста?!

Однако вокруг внезапно воцарилась мертвая тишина. Гости застыли с лицами, выразившими такой ужас и недоверие, будто увидели привидение!

Ведь они своими глазами видели, как в паланкин садилась Чжуан Хунсин — с изъятиями на лице и грубыми манерами!

Сваха сама пудрила ей лицо и закалывала цветы в волосы — перед тем как сесть в паланкин, она выглядела так, что смотреть было больно.

Как... как после снятия красного покрывала мир перевернулся, и перед ними предстала эта неземная красавица?!

Это никак не могла быть та самая Чжуан Хунсин!

Но паланкин не останавливался в пути, и человек оставался тем же... что же, черт возьми, произошло?!

Странность и потрясение, словно ледяная вода, вмиг охладили веселье, оставив лишь

безмолвный трепет, расползающийся в воздухе.

Би Панань, плененный этой невероятной красотой, чуть ли не пинками выставил гостей, которые еще пытались шутить.

Он нетерпеливо запер дверь.

Такую красотку ему хотелось спрятать от всех, чтобы любоваться ею в одиночку.

Он глубоко вздохнул, стараясь унять бешеный стук сердца, взял бокалы с вином для обряда единения и, растянув губы в улыбке, которую считал неотразимой, направился к кровати.

Его невеста все так же сидела, опустив голову. Красное покрывало было сброшено, открывая ее профиль, от которого у него кружилась голова — словно сошедшая с картинки искусного художника.

— Госпожа, — прошествовал он с нарочитой нежностью и бокалом в руке, осторожно приподнимая ее лицо. — Позволь мне получше рассмотреть тебя.

Чжуан Хунсин — или, вернее, та, что носила имя Чжуан Тяньэ — полная мечтаний о супружеской жизни и стеснительности, послушно подняла голову.

Их взгляды встретились.

Время, казалось, застыло.

Стыдливость и ожидание на лице Чжуан Хунсин вмиг разбились, словно тонкое стекло, уступив место предельному ужасу, неверию и отвращению.

Ее зрачки сузились, перед глазами все поплыло.

Кто он?!

Кто этот желтолицый, похотливый, откровенно уродливый мужчина?!

Нет! Это не тот статный красавец, которого она видела в Монастыре Линъинь!

Тот господин... тот господин был совсем другим...

Огромное чувство обмана и отчаяния, словно ледяной душ, окатило ее, заставив содрогнуться от холода.

Она хотела закричать, выругаться, потребовать объяснений, что здесь происходит!

Но когда она открыла рот, из горла вырвалось лишь хриплое, как у дырявых мехов, сипение — ни единого звука не слетело с ее губ!

Голос! Где мой голос?!

Слова Цзигуна: Ты получишь всё, что желаешь, но вместе с тем лишишься своего голоса — громом прогремели в ее голове.

Тогда, ослепленная жадой красоты, она не придавала значения этому легкомысленному условию.

Теперь же наказание немотой стало последним толчком, сбросившим ее в бездну!

Би Панань, увидев, что его прекрасная, как фея, невеста при виде его лица не проявила нежности, а вдруг словно сошла с ума — вцепилась руками в собственное горло, на лице ее отразилась мука и ненависть, а из горла пошли странные хрипы — перепугался. Он поспешно подался вперед:

— Супруга! Супруга, что с тобой? Где-то болит?

Но стоило ему коснуться ее руки, как Чжуан Хунсин, будто ужаленная змеей, резко оттолкнула его!

Охваченная гневом, унижением и страхом, она лишилась рассудка: набросилась на Би Пананя с кулаками, вцепившись ногтями в его лицо!

Вся ненависть выплеснулась в первобытной атаке.

— А-а-а!

Би Панань не ожидал такого поворота. На его лице остались кровавые полосы, он взвыл от боли.

Сначала он опешил, но тут же в нем вскипела ярость от того, что его оскорбили, да еще и при такой красавице-невесте!

— Безумная баба! — он окончательно сбросил маску благовоспитанности, грубо перехватил ее мечущиеся руки, с невероятной силой швырнул ее на кровать с алым шелковым покрывалом, ничуть не заботясь о нежности.

Чжуан Хунсин от удара закружилась голова, украшения рассыпались по подушкам.

Она пыталась подняться, продолжая драться, но боль от потери голоса и этот отвратительный, уродливый муж лишили ее всех сил. Остались лишь беззвучные, отчаянные слезы.

На следующее утро солнце пробивалось сквозь оконную решетку, рассыпая по полу золотые блики, но не способные разогнать сумрак, царивший в брачной опочивальне.

Би Панань, уже одетый, с мрачным видом смотрел на фигуру на кровати, свернувшуюся к нему спиной. Плечи ее мелко дрожали.

— Плачешь? Кому ты показываешь этот спектакль? — он говорил с иронией, в которой, впрочем, еще оставалась капля мягкости. — Разве не ты сама в Монастыре Линъинь всеми силами выводила мое имя, даже фамилию сменила, лишь бы выйти за меня? Теперь, когда добилась своего, к чему эта поза добродетельной жены?

Видя, что красавица на кровати молчит, а ее хрупкая спина дрожит лишь сильнее, он почувствовал необъяснимое раздражение, смешанное с гордостью обладания такой красотой.

Он смягчил тон, но добавил властный приказ:

— Вставай, умывайся. Нужно идти подавать чай матушке. Не опаздывай, еще скажут, что молодая жена в доме Би не знает правил.

Думая о том, что он получил в жены такую небесную красавицу — пускай даже немую — он чувствовал, что его лицо стало «весомее», поэтому в этот раз проявил больше терпения, чем обычно.

Хотя за этим терпением скрывалось естественное желание властвовать.

Он пробормотал себе под нос, с ноткой недовольства семьей Чжуан:

— Хм, а ваша семья Чжуан умеет скрывать правду, ни словом не обмолвились, что ты немая.

На кровати Чжуан Тяньэ до крови прикусила губу.

Безмолвные слезы уже пропитали вышитую подушку.

Когда первая буря улеглась, онемевшее отчаяние, подобно ледяному приливу, поглотило ее.

Она не знала, как пришла к этому решению.

Может, в тот момент, когда осознала, что голос уже не вернуть, а девичья честь потеряна?

Может, когда разглядела уродливое лицо и подлую натуру мужа и поняла, что пути назад нет?

А может, инстинкт выживания заставил ее за что-то ухватиться.

Нет больше чистоты, нет больше голоса, но, по крайней мере... у меня есть это лицо.

Она смотрела в тусклое медное зеркало на ослепительно прекрасное, но совершенно чужое отражение, снова и снова повторяя себе:

— Стерпится — слюбится... С этим лицом я всегда смогу... смогу прожить в доме Би, и, может быть... даже устроюсь неплохо.

Она пыталась сделать красоту, полученную ценой голоса, своей последней соломинкой, на которой держались ее разбитое достоинство и будущее.

Чжоу Тяньэ через слабую магическую нить, оставленную на Чжуан Хунсин, почувствовала

обстановку в доме молодоженов и равнодушно разорвала связь.

В душе не было радости, лишь брезгливость.

Наблюдать за тем, как кого-то принуждают к чему-то — сомнительное удовольствие.

Тем более этот Би Панань, который задаром получил жену-небожительницу. Ничего не отдал, а все выгоды прибрал к рукам.

Но это была та самая плата — приобретение и утрата, которую жадная Чжуан Хунсин должна была вынести.

Сама выменяла голос на облик, сама выбрала себе мужа.

Эти горькие плоды теперь пожинать только тебе.

В конце концов, Цзигун сказал: нельзя быть слишком жадным. Вот эти слова вонючего монаха я тебе и дарю.

Моя «награда» скоро придет.

За всю твою неблагодарность ко мне, за то, как ты топтала мою жизнь...

Она подняла глаза к окну, взгляд ее был холодным, как иней.

В последнее время имя Чжоу Тяньэ гремело все громче.

Особенно после того, как она совершила чудо, исцелив жену уездного начальника и даже хроническую болезнь самого наместника. Ее слава возросла, и ее уже почтительно называли «Божественным лекарем».

Она не погрязла в пустой славе, а, используя авторитет и накопленные средства, открыла приют Цзицы, чтобы принимать обездоленных и лечить бедняков.

Она пригласила приемную мать, госпожу Чжуан, помогать ей в делах, чтобы та нашла себе занятие и перестала дни напролет тревожиться о своей непутевой родной дочери.

Госпожа Чжуан, погрузившись в работу, душой оттаяла, и их отношения с приемной дочерью стали еще крепче.

С другой стороны, наследный принц драконов Ао Цзилун все никак не мог выбросить из головы ту «девушку-лебедя», что выращивала цветы. Но то государственные дела в Дворце Драконов не отпускали, то Инь Хуань, прикрываясь «ранением», постоянно мешала ему в компании Е Цина, и он так и не смог с ней встретиться.

Чжоу Тяньэ была этому только рада: она вовсе не хотела нянчиться с этим драконом. Желание истинной владелицы тела состояло лишь в том, чтобы Ао Цзилун был в безопасности, а значит, отсутствие встреч избавит ее от лишних хлопот. Это ее вполне устраивало.

Иногда она с помощью магии просматривала, что происходит у Чжуан Хунсин.

Отношения супругов, благодаря попыткам Чжуан Хунсин угодить и одержимости Би Пананя красотой, на людях казались «все лучше и лучше». Госпожа Би, видя, что старший сын остепенился, а невестка хоть и немая, но писаная красавица, покойна, — задумалась о том, чтобы передать управление семейными делами старшему сыну.

Это повергло Би Пананя-младшего и его жену Фан Хун в панику.

Фан Хун, с одной стороны, завидовала невероятной красоте золовки, а с другой — люто ее ненавидела: думали, что возмут в дом сварливую уродку, которая перевернет всё вверх дном, и они смогут прибрать к рукам наследство, а вышло вон как!

Видя, что свекровь собирается передать богатство старшему брату, парочка решилась на злодейство. Они тайно сговорились и наняли банду разбойников, чтобы в один из выездов брата с женой устроить «несчастный случай», избавиться от Би Пананя и завладеть состоянием!

Чжоу Тяньэ холодно наблюдала за всем со стороны.

В этой жизни я не превращала ящерицу в Ао Цзилуна, чтобы соблазнить Чжуан Хунсин, но вы, змеи и крысы, все равно решили грызться.

В ту ночь луну закрыли тучи.

В аптеке Линь Шуан «Цзичуньтан» уже давно закрыли двери, но внезапно покой заднего двора нарушил бешеный стук и невнятные вопли.

— Спасите! Доктор Чжоу! Спасите!

Помощник открыл дверь и увидел в свете факелов группу людей — это были Би Панань, Чжуан Хунсин и несколько слуг, перепачканных в крови!

Оказалось, что днем они поехали в соседний уезд за товаром, а на обратном пути в глухом месте их окружила шайка разбойников!

Товар и деньги забрали, а в хаотичной схватке Би Панань, защищая добро, получил удар ножом в грудь, кровь хлестала фонтаном, он потерял сознание.

А Чжуан Хунсин, увидев, что муж в опасности, инстинктивно попыталась его прикрыть, но летящий кинжал полоснул ее по щеке!

Кожу рассекло до мяса, кровь вмиг залила половину ее прекрасного лица!

Она пришла в ужас. Острая боль и страх перед обезображиванием почти добили ее.

В этот критический момент мимо проезжал Чжао Бинь, ученик Цзигуна. Услышав шум, он поспешил на помощь и благодаря боевым искусствам разогнал разбойников. Увидев, что Би Панань тяжело ранен, а Чжуан Хунсин истекает кровью, он, не теряя времени, доставил их в самую известную в городе аптеку «Цзичуньтан».

Аптека была залита светом.

Би Панань, бледный как полотно, лежал на досках, которые превратили в импровизированные носилки, едва дыша.

А Чжуан Хунсин закрывала лицо руками, из-под пальцев струилась кровь. Она в ужасе вытаращила глаза, из ее горла вырывались отчаянные, хриплые стоны.

Ее красота, которой она гордилась больше жизни... неужели она так просто исчезнет?!

В аптеке мерцали свечи, освещая беспорядок и стоны боли.

Би Панань был без сознания, слуги валились с ног. Только Чжао Бинь с тревогой смотрел на Чжоу Тяньэ:

— Доктор Чжоу, посмотрите скорее, можно ли их спасти?

Чжоу Тяньэ слегка кивнула и подошла осмотреть раненых.

Когда она приблизилась к Чжао Биню, то чутко уловила нечто, не принадлежащее миру людей — слабый отголосок демонической ауры, смешанный с запахом ящерицы и... свежестью травоядного создания.

Ого, а ученики Будды ведут довольно запутанную личную жизнь.

Она наклонилась и первым делом проверила пульс у Би Пананя, который был в самом тяжелом состоянии.

Поскольку она находилась на заднем дворе своей аптеки, на ней не было вуали. Когда она подняла голову, и ее лицо оказалось открыто свету, все присутствующие — даже Чжао Бинь, слуги и Чжуан Хунсин, которая продолжала зажимать лицо руками — вмиг вытаращили глаза!

На том месте, где раньше были жуткие шрамы, теперь сияла кожа, гладкая, как нефрит.

Пусть она не была такой ослепительно яркой, как та, что была создана магией для Чжуан Хунсин, но в ней была чистота и благородство, словно у белого лотоса, распустившегося под луной — спокойная, стойкая, и куда более привлекательная, чем прежде.

Все это время Чжоу Тяньэ не оставляла попыток вернуть себе прежний облик.

Благодаря пособию по медицине и собственным практикам, она уже восстановила лицо настоящей Чжоу Тяньэ, сделав его даже краше, чем было.

По ее мнению, такая добрая и милая девушка, как хозяйка тела, не заслужила всю жизнь носить шрамы.

Если Цзигун не хочет или не может это сделать — сделаю я!

Добрые люди заслуживают вознаграждения.

Она быстро отбросила посторонние мысли и сосредоточилась на лечении.

Пульс, рецепты, приказы помощникам приготовить лекарства, использование особых мазей для очистки и перевязки ран — все ее движения были плавными, уверенными и четкими.

Напоследок она подошла к Чжуан Хунсин и осторожно убрала руки, которыми та судорожно закрывала лицо.

Рана была глубокой, края вывернулись, почти виднелась кость, кровь продолжала сочиться, окончательно уничтожая прекрасную фальшивую маску.

Линь Шуан тщательно осмотрела рану, слегка нахмурилась, в ее голосе прозвучало ровно столько сочувствия, сколько требовалось:

— Чжуан Хунсин, рана слишком глубокая, повреждены ткани. Сейчас самое главное — спасти тебе жизнь и не допустить гниения. Я применила лучшую мазь для остановки крови и заживления, но сможешь ли ты восстановиться... делай, что должно, и полагайся на волю небес.

Говоря это, она отчетливо чувствовала, как из-за серьезного повреждения лица Чжуан Хунсин, магические чары Цзигуна, наложенные на нее, медленно тают, как прилив, уходящий в море.

Их ослепительная красота, подобно снегу на солнце, вот-вот исчезнет без следа.

На лице Чжоу Тяньэ застыло сострадание, но в глубине души она холодно усмехалась.

Она смотрела в глаза Чжуан Хунсин, которые вмиг стали серыми от отчаяния и ненависти, и в нужный момент, словно бросая подачку, подарила ей лучик «надежды»:

— Впрочем... — она чуть изменила тон, с ноткой едва уловимого искушения. — В эти дни я перерыла множество древних медицинских книг и случайно наткнулась на рецепт, который, говорят, творит чудеса при лечении застарелых шрамов и даже... некоторых недугов, связанных с потерей голоса. Только вот ингредиенты очень редки, а процесс приготовления невероятно сложен, и каков будет успех... я не знаю.

В сердце Чжуан Хунсин сейчас боролись лед и пламя.

Она ненавидела Чжоу Тяньэ за то, что та так легко вернула себе красоту, и отчаивалась из-за того, что ее собственная красота, купленная ценой голоса, так легко разрушилась!

Услышав слова Чжоу Тяньэ, она ухватилась за них, как утопающий за соломинку!

Она подавила ядовитую зависть и ненависть к Чжоу Тяньэ и вцепилась в ее руку так, что ногти вонзились в кожу.

Она подняла голову, и в ее глазах — искаженных болью и лихорадочным блеском — вспыхнул

страшный огонь надежды, похожий на последний всполох перед смертью. Из горла вырвался еще более частый и хриплый стон, и она яростно закивала!

Лекарство! Ей нужно это лекарство! Любой ценой! Если есть хоть один шанс вернуть лицо и голос!

Чжоу Тяньэ чувствовала боль в своей руке, видела эту безумную жадность и надежду в глазах Чжуан Хунсин, и, сохраняя мягкое выражение лица, осторожно похлопала ее по тыльной стороне ладони, словно успокаивая.

Чжао Бинь, доставив их в «Цзичуньтан», не осмелился задержаться и сразу вернулся в Монастырь Линьинь, чтобы доложить наставнику.

Их вылазка в эти дни была связана в основном с поисками пропавшего Чэнь Ляна, а сегодняшнее происшествие стало случайностью.

Он в подробностях изложил все, что произошло: как семья Би встретила разбойников, как Би Панань был тяжело ранен, Чжуан Хунсин изуродована, и как Чжоу Тяньэ оказывала помощь.

<http://bllate.org/book/21973/2282992>